

ДЕТАЛИ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА СОЛДАТА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПОВЕСТЯХ В. БЫКОВА «СОТНИКАЎ» И «ЯГО БАТАЛЬЁН»

В повести «Сотнікаў» В. Быков использует деталь и подробность довольно широко. Уже в экспозиции произведения автор-повествователь вводит портретную характеристику партизана Сотникова, которая содержит описание его скромного обмундирования: неуклюжие, стоптанные бурки, глубоко надвинутая на уши красноармейская пилотка, короткая шинель, а также сообщает о комплектации бойца. Кроме того, читатель узнает о том, что Сотников идет на задание тяжело простуженным: *«Увесь час, пакуль яны ішлі лесам, за спіной Рыбака чуўся прыглушаны прастудны кашаль, які гучаў часам бліжэй, часам далей, а цяпер вось дык і зусім прыціх нешта. Каторы ўжо раз Рыбак азірнуўся і збавіў кроку – Сотнікаў ледзь прыкметна варушыўся заду ў лясным сутонні. Рыбак не гукнуў яго і не падагнаў, толькі, прыцінаючы ў душы нецяярпенне, хвілін пяць глядзеў, як той прыстала шкандыбае па снезе ў сваіх **тоўстых стаптаных бурках**. Да таго ж ён нешта незнаёма і нязвычайна **сутуліўся, апусціўшы голаў у глыбока насунутай, з апушчанымі краямі пілотцы, і, калі падышоў, стала чуваць яго разгарачанае труднае дыханне, з якім той не мог саўладаць, нават спыніўшыся.** <...> Перш чым адказаць, Рыбак памарудзіў, паўзіраўся ў **перахлябістую, захінутую ў караткаваты шынелак постаць напарніка**» [2, с. 6].*

О зимней одежде партизана Рыбака (трофейные сапоги, совсем еще новый черный полушубок, шапка) читатель узнает в ходе сюжетного развертывания повести. Таким образом, выразительные детали портрета партизан реализуют композиционный прием противопоставления, помогают читателю получить первое представление о центральных персонажах произведения. Очевидно, Сотников не обладает свойственной Рыбаку жизненной хваткой и умением приспосабливаться к различным условиям в суровое военное время. Ради блага других партизан Сотников готов пожертвовать собственным благом.

Примечательно, что портретная характеристика партизана Сотникова, описывающая его тяжелое физическое самочувствие, вызванное болезнью, а впоследствии и ранением, рассредоточена по всему тексту. Думается, что художественные детали, содержащиеся в этих описаниях, не только играют значительную роль в раскрытии внутреннего мира Сотникова, подчеркивая его мужество, стойкость, негибаемость и силу духа, проливают свет на поступки

его напарника Рыбака, но и являются сюжетообразующими, поскольку способствуют дальнейшему развитию сюжета повести. Так, например, в эпизоде ночной перестрелки партизан с полицией находим следующее описание: «Сотнікаў маўчаў, немалым намаганнем душачы ў сабе стогны. Яго счарнелы на сцюжы, спакутаваны твар з заінелым ад дыхання шчаціннем раптам здаўся Рыбаку амаль незнаёмым, чужым і адразу выклікаў у яго нейкія блага прадчуванні. Рыбак падумаў, што справы напарніка, відаць, сапраўды кепскія, і міжволі **пашкадаваў небаракую таварыша**» [2, с. 79]. Итак, художественные детали приведенного текстового фрагмента помогают определить отношение партизана Рыбака к своему боевому товарищу. Образ страдающего Сотникова, увиденный глазами Рыбака, вызывает ответное чувство боли и сострадания как у самого Рыбака, так и у читателя.

Отношение Рыбака к Сотникову начинает меняться, когда в попытках уйти от преследования полицейских и найти обратную дорогу в лес товарищи по оружию окончательно выбиваются из сил. В. Быков так описывает чувства партизана Рыбака: «Хвіліну ён стаяў над **знямоглым таварышам, які сцяўся на баку, падкурчыўшы параненую нагу**. У адчуваннях Рыбака перамешваліся розныя пачуцці да яго: і **ціхі жаль**, што столькі дасталася аднаму (мала было прастуды, дык яшчэ і падстрэлілі), і ў той жа час пачала з'яўляцца няпэўная яшчэ **прыкрасць**: як бы гэты Сотнікаў не наклікаў бяды на абодвух. Сярод усяго патаемна трымцела, часам заглушаючы іншае, страхавітая **трывога за сваё жыццё**» [2, с. 83]. Таким образом, благодаря использованию художественных деталей читатель видит трансформации, происходящие в Рыбаке: вид раненого, обессилевшего товарища рождает в его душе целую гамму чувств: от сострадания до раздражения, а затем и вовсе заставляет сосредоточиться на мыслях о собственной безопасности, забыв о состоянии Сотникова.

Заслуживает внимания и описание чувств, возникших у Рыбака вследствие обещания следователя полиции сохранить ему жизнь. При этом психологические и пейзажные детали выступают средством психологического анализа персонажа: «Падлога пад ім дзіўным чынам хіснулася, сцены гэтага заплёванага пакоя раздаліся ўшыркі, праз хвілінну **збянтэжанасць** у сабе ён раптам адчуў недзе **волю, прастор**, нават **подых свежага ветру ў полі**. Усё ягонае жыццё пераварочвалася дагары нагамі, але, здаецца, давала надзею **выжыць**» [2, с. 161].

В отличие от Рыбака, Сотников предпочитает смерть позорной жизни предателя. Он решает взять все на себя и ценой собственной жизни спасти людей, оказавшихся вместе с ним в фашистских застенках: «І калі што яшчэ **турбавала** яго, дык гэта некаторыя **абавязкі ў адносінах да людзей**, што воляю лёсу ці выпадку апынуліся цяпер побач. <...> Па сутнасці, гэта было **ахвяраванне дзеля паратунку другіх**, але не менш, чым другім, яно патрэбна было і яму самому. І справа тут не ў наіўных ілюзіях – проста ў Сотнікаве ўсё **пратэставала** ад адной толькі думкі, што ягоная смерць стане марнаю выпадковасцю па волі гэтых п'яных прыслужнікаў. Як і кожная **смерць у барацьбе**, яна павінна нешта сцвярджаць, нешта адмаўляць і па магчымасці

здзейсніць тое, што не паспела здзейсніць жыццё» [2, с. 194–195]. Необходимо отметить, что психологические детали приведенного фрагмента текста дополняют внутренний облик партизана Сотникова.

В повести «Яго батальён» деталь также играет важную роль в создании художественного образа солдата. Уже с первых строк произведения происходит знакомство читателя с центральным персонажем – комбатом Волошиным. В. Быков вводит образ солдата без авторского вступительного комментария к происходящим событиям: «Траншэя была **мелкаватая, пад пахі, не болей, сухая і пыльная. Каб не дужа вытыркацца з яе, Валошын звыйкла аблягаўся грудзьмі на бруствер, расставіўшы ў бакі локці. Аднак доўга стаяць так, згорбіўшыся, пры ягонай **высокай мажнай постаці** было не надта каб зручна, мяняючы позу, камбат незнарок варухнуў локцем, і мёрзлы камяк зямлі з глухім стукам скаціўся ў траншэю. Адразу ж унізе пачуўся ціхі крыўдлівы віск, затым энергічны фыркац сабакі, з якім той страсае абсыпаную пылам поўсьць, і побач на броўку мякка ляглі дзве шырокія кіпцюрыстыя лапы» [1, с. 7]. Дополнительную интригу придает повести образ-деталь **собака Джима**, которая почему-то вдруг оказалась в фронтовой траншее и не отходила от Волошина. Пейзажные детали / подробности (**мёрзлы камяк зямлі, чорны сакавіцкі прасцяг, пругкі марозны вецер, плямы нерасталага снегу, азызлыя на сцюжы рукі**) коррелируют с душевным состоянием персонажа, акцентируя его тревожное настроение, озабоченность фронтовой ситуацией, когда наступление выдохнулось, и стратегически важная высота оказалась у немцев.**

Изображая комбата Волошина в наспех оборудованной землянке, автор дает его портретную характеристику, чрезвычайно экономную, сконцентрированную лишь на деталях одежды: «Валошын прывычна расшпіліў **камандзірскую дзягу з зоркай у меднай спражцы, скінуў з плячэй дваіную партупею, кабуру з ТТ, зняў камсастаўскі, некалі шыты на заказ, ужо абтрэпаны, у двух месцах пабіты асколкам шынель.** <...> ... дастаў з кішэні **гадзіннік.** Гэта быў трафей, узяты ў забітага нямецкага танкіста, з трыма стрэлкамі і надзея дакладным ходам» [1, с. 9–10]; «Ён на ўсе гузікі зашпіліў **гімнасцёрку, надзеў шынель, пацёрты, прастрэлены, папэцканы ў зямлі, але звыйкы і яшчэ нават чымсь франтаваты яго шынелак, які ён пашыў на заказ у час фарміроўкі ў Свядлоўску.** <...> Камбат пасунуў на дзязе і расшпіліў **пацёртую і абшкрэбаную ў траншэях кабуру...**» [1, с. 61]. Итак, скупые детали портрета подчеркивают тот факт, что за спиной комбата трудные и опасные дороги войны. Его должность командира батальона обязывает быть всегда на передовой, в гуще военных действий.

Отметим, что внешние портретные детали можно сказать психологизируются и вводят мотив осознания командирской ответственности перед подчиненными. Тщательно продуманная комбатом подготовка взятия высоты, психологическая атмосфера в батальоне после прибытия неопытного пополнения свидетельствуют о степени преданности Волошина высоким идеалам человечности и нравственности.

Жизненный и военный опыт комбата не смог уберечь его, к сожалению, от драмы трагического выбора в ситуации взаимоотношений ротного лейтенанта Самохина и санинструктора Веретенниковой: в бою за высоту влюбленные погибают, так как Вера не подчинилась приказу Волошина покинуть передовую, а комбат не проявил твердость. Нравственная чистота комбата проявилась в сцене захоронения погибших: «Яны паднялі з зямлі і паднеслі да ямы **худзенькае, амаль дзіцячае цела** малодшага сяржанта медслужбы Вераценнікавай. Гутман акуратна паклаў яе побач з Самохіным.

– Хай ляжаць. Тут ужо нікога баяцца не будуць...

«Тут ужо нікому нічога не страшна, ужо адбаяліся», – падумаў Валошын, гаротна пазіраючы ў змрок ямы, дзе Гутман у цьмяным святле з ліхтарыка паправіў на Веры гімнасцёрку, склаў на грудзях яе заўжды **залітыя ёдам рукі**. Колькі людзей гэтыя рукі **ўратавалі** ад смерці, **павыцягвалі** з-пад агню, **паўладкоўвалі** ў выпадковыя палявыя сховішчы, **перавязалі, дагледзелі...** Але вось наступіла і яе чарга» [1, с. 133].

Авторский акцент на деталях приведенного отрывка рисует сложный психологический портрет комбата Волошина, указывает на растерянность персонажа, подчеркивает невыносимую душевную боль фронтовика, его ответственность за гибель мужественной девушки.

Итак, детали и подробности являются важным и значимым инструментом построения художественного образа солдата в произведениях белорусского писателя. Посредством деталей художники слова стремятся индивидуализировать образы персонажей, с одной стороны, и подчеркивают их типическую значимость и характерность, с другой.

Литература

1. *Быкаў, В. Пайсці і не вярнуцца : аповесці / В. Быкаў.* – Мінск : Маст. літ., 1979. – 264 с.
2. *Быкаў, В. Сотнікаў ; У тумане / В. Быкаў.* – Мінск : Попурри, 2015. – 381 с.

Л. В. Скибицкая (Беларусь)

ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

В современном научном дискурсе детская литература позиционируется и как автономный сегмент изящной словесности, и «как непосредственная часть историко-литературного процесса, вбирающая в себя все его основные черты